

ГОЛУБЧИКОВ Юрий Николаевич

УДК 378 +379.852

DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-3-24-50

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, РФ); кандидат географических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник; e-mail: golubchikov@list.ru

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АКТИВНОГО ТУРИЗМА

Рассматривается трансформация отечественного краеведения в советский период от «малого страноведения» до истории партийного строительства в конкретной области (крае) или городе. В результате научный мир связывал краеведение уже не с фундаментальным знанием, а с просветительской или памятнико-охранительной деятельностью.

Интернет и массовый туризм вовлекли в процесс географического познания самые широкие слои населения. На смену территориальным сообществам идут сетевые, краеведение становится сетевым. В практиках активного туризма обучение сливается с развлечением, приключением и поисковой деятельностью. Предполагается, что поиск знания и понимания посредством активного туризма станет доминирующей темой образования будущего.

Идеология краеведения в консерватизме и катастрофизме. С ростом сложности техносферы происходит упрощение её разнообразия и риск катастрофического исхода. То есть все отжившее, уходящее и ненужное в критическом режиме может оказаться самым необходимым.

Ключевые слова: краеведение, страноведение, народная наука, поход, экскурсия, катастрофизм, архаики, спорт, выживание.

Введение. Российская наука о туризме не очень охотно признает свое краеведческое происхождение. Современному туризму приятнее соседствовать с высокими технологиями, именоваться, скажем, «инновационным». А вот «краеведческий туризм» вроде как-то низводит к чему-то школьному.

В тематико-библиографическом указателе публикаций журнала «Современные проблемы сервиса и туризма» за 2007–2016 гг. [1] слово «краеведение» обнаруживается лишь в контексте краеведческих музеев. В названиях туристических кафедр России оно встретилось нам лишь в Томском университете – кафедра краеведения и туризма.

С большим удовольствием возводит наука о туризме свою генеалогию к отдыху на средиземноморских курортах или к восхождениям в Альпах, наконец, к лечению на Кавказских Минеральных водах.

Забывается, что краеведение лежит в основе туризма. Все так называемые дестинации, прежде чем стать туристическими, побывали краеведческими. Сначала

аборигены оценивают ценностное значение того или иного места. Затем к нему притягиваются аллохтоны-туристы. Сначала краеведы приводят губернаторов куда-то, где те приходят в восторг от увиденных мест невиданной красоты. Затем те открывают торг, зазывая иностранных и всех остальных туристов.

Получается, исторически и логически краеведение предшествует туризму. И сегодня они дополняют друг друга. Краеведение давно уже перестало быть территориальным и стало сетевым. Его локальные проблемы волнуют подчас самых удаленных пользователей сети.

Попытаемся доказать, что активный туризм может гордиться, а не стесняться своего родства с краеведением.

Краеведение как часть страноведения

В дореволюционные времена массовое научно-культурное движение, направленное на понимание собственного места рождения или проживания, наряду с краеведением, называлось ещё родиноведением. Наука о всей России именовалась

россиеведением или отечествоведением. В 1920-е гг. слово «родина» у новой власти оказалось «не в чести» и на смену «родиноведению» утвердилось нейтральное – «краеведение».

Краеведение рассматривалось как часть страноведения. А.С. Барков определял краеведение как «малое страноведение»¹. Это было не современное страноведение, которое правильнее было бы именовать «государствоведением». Л.С. Берг особенно подчеркивал, что описание стран или областей, выделяемых на основании административных или политических границ, не является научным². Научным оно становится лишь на ландшафтной основе.

Учение о ландшафтах Л.С. Берг рассматривал не как часть географии, а как сам предмет географии. *«Ландшафтоведение и есть география. Вместе с тем, оно есть усовершенствованное, утонченное страноведение. Исключать из учения о ландшафтах географию человека нет никаких оснований... в сущности, в ландшафтоведении должна войти вся география человека»*³. Иными словами, гуманитарную географию (антропогеографию) Берг рассматривал как часть ландшафтоведения. Остается только представить, сколь яркой бы оставалась наука, если бы подход Берга удалось реализовать.

Краеведение в 1920-х гг. объединяло людей в стремлении может быть даже не столько познать свой край, сколько сохранить память об уходящем и целенаправленно разрушающемся укладе жизни. По многим уездам выходили объемные краеведческие сборники. Живым, увлекательным языком, сопровождаемым детальными картами, подавались в них разнообразные сведения о природе и людях. Издавались журналы «Советское краеведение», «Экскурсионное дело», «Северная Азия», «Советский Север», «Живая старина»⁴.

Одновременно краеведение сохраняло традиции российской науки. Сюда уходили многие высококвалифицированные ученые, академики. Научное руководство краеведением осуществляло Центральное бюро краеведения Академии наук. Возглавлял эту работу секретарь Академии наук, академик С.Ф. Ольденбург, одним из его заместителей был В.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Советские изломы краеведения

Разгром генетики или кибернетики многократно описан и хорошо известен. Гораздо менее освещено уничтожение в советский период тех «неглавных наук», что не расширяли мир наших вещей, не усиливали власть человека над природой. К числу их принадлежат антропогеография и краеведение.

Произошло это на рубеже 1920–30-х гг. В отличие от зарубежной науки ряд направлений в отечественной географии и в 1930-е гг. был практически запрещен (геополитика и краеведение), а другие (география культуры) не получили должного развития», – пишет Ал.А. Григорьев [7, с. 41]. Краеведческие общества были ликвидированы, их лидеры репрессированы. Многие из любителей своего края были обвинены в «великорусском шовинизме» или «местном буржуазном национализме» [4].

В начале 1941 г. закрывается созданный В.П. Семеновым-Тянь-Шанским Географический музей в Ленинграде. На протяжении предшествующих 20 лет по своему богатству он считался третьим музеем города после Эрмитажа и Русского музея. *«В это время Вениамин Петрович уже составлял проект географического музея-парка, охватывающего страны и местности всей Земли. Но и то, что мы увидели, привело нас всех к одной мысли: Географический музей в Ленинграде – бесценное национальное сокровище»*, – вспоминал Ю.Г. Саушкин⁵.

Сотни краеведческих музеев нивелировались под тематику партийного строительства и оказались похожи один на другой. То официозное движение, которое

¹ Барков А.С. О научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 71-83.

² Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. ИРГО. 1915. Т.51. Вып. 9. С. 463-475.

³ Берг Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч.1. Л., 1930. С. 30.

⁴ Большаков А.М. Введение в краеведение. Предисл. С.Ф. Ольденбурга. Л.: Прибой, 1929. 206 с.

⁵ Саушкин Ю.Г. Географическое мышление. Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 81.

оформилось под названием «советское краеведение» правильнее было бы именовать историей партийного строительства в данном городе или районе.

Только в 1960-х гг. в связи с введением изучения родного края в программу средней школы краеведение начало робко оживать. *«О его значении в истории можно написать особую книгу. Здесь же хочется лишь сказать, что туристы – основные и естественные кадры краеведения. Было бы неплохо, если бы современные краеведческие и туристские организации слились»*⁶. Наука от краеведения отказалась, и оно оказалось в ведении краеведческих музеев, школ и турклубов. Научный мир связывал краеведение уже не с фундаментальным знанием, а с просветительской или памятнико-охранительной деятельностью.

Массовая индивидуализация и географизация познания

Всеобщая компьютеризация населения и его доступ к Интернету оказались настолько эпохальными, что получили название эпохи «третьей волны» (первые две знаменовались эпохой пара, затем нефти и электричества) [13]. Сетевые технологии предоставили человеку беспрецедентную возможность выбора наряду с невиданной доселе степени мобильности и автономности. Теперь человек может работать, пребывая в путешествии, и путешествовать, оставаясь на работе. Если недавно основу туристского рынка составляли оплачиваемые отпуска рабочих и служащих, то в создавшейся свободе выбора туризм перестает быть атрибутом свободного времени. Его сфера размылась и туризм вступил в повседневную жизнь.

В те или иные формы туризма оказались втянутыми в мире около 3 млрд человек. Каждый третий житель планеты пребывает какое-то время в году в состоянии туристического подвижничества. Не менее миллиарда человек в мире ежегодно становятся «стихийными» географами. За рубежом говорят об эре географической народной науки (geographical citizen

science) или, говоря по-русски, «народной географии». В целом ряде стран появились «добровольцы по сбору географической информации» («volunteered geographic information» – VGI) [16, 18].

Наука о туризме или геотуристика исследует туризм как важный инструмент повышения качества жизни человека и ее продления, но не путем долголетия, а путем перемещения в пространстве. В то же время туризм втягивает в процессы верификации научного знания самые широкие слои населения. Краеведение обретает массовый характер.

Народная наука

С появлением высококачественных, недорогих и открытых космических снимков каждый может вести инвентаризацию любой краеведческой информации, обладая средствами навигации и онлайн-ового картографирования, произвольного изменения масштаба и ракурса просмотра, а также распространения информации в сети. Возникает своего рода краудсорсинг (crowdsourcing) научного знания.

Географическая наука нацелена на создание объективного знания. «Народное краеведение», формирующееся в недрах традиционной или массовой культуры, оперирует субъективными бытовыми понятиями. Среди них главенствуют те, что были когда-то отнесены В.С. Преображенским [10] к бытовой геоэкологии. Это пейзажная притягательность, криминогенная обстановка, районы различной дифференциации цен, инфраструктурные и экологические рутины повседневной жизни, память о событиях, пейзажи и иные продукты сотворчества местных знаний, объектов и пространства.

По привычным картам можно не понять, что специфику некоего селения определяет полигон твердых бытовых отходов или своеобразие такого населенного пункта заключено в контролирующей его бандитской этнической группировке. Но они будут главенствующими в обыденных представлениях «народной географии».

Перед географической наукой выдвигается задача освоения этих обыденных интерпретаций пространства индивидами

⁶ Арманд Д.Л. Нам и внукам. М.: Мысль, 1966. С. 209.

и группами людей, получивших название вернакулярных (от vernacular – местный, народный, обыденный) районов. *«Географам долгое время было присуще довольно пренебрежительное отношение к такой стороне исследований; обыденные представления людей о районах считались ненаучными и нередко воспринимались как предрассудки»* [12, с. 15].

За рубежом появились диссертации, посвящённые вернакулярным (обыденным) районам, т.е. частям территории, которые выделяют сами местные жители. Они закреплены в общественном сознании тем, как сами члены общества представляют себе территориальную структуру и каким смыслом ее насыщают.

Видный украинский учёный А.В. Гладкий [5, 6] заостряет внимание на то, что обыденные представления людей о пространстве нередко представляют реальную ситуацию в более яркой и символической форме. Для жителей городов, особенно крупных мегаполисов имеют значение локализация и функциональная принадлежность территорий, системы связей между ними («пять минут от метро»). За пределами города для его жителей начинается другое пространство, которое наделено совершенно другими свойствами и попадает под характеристики бескрайности, однообразия, пустоты. Сельские жители более ярко воспринимают пространство за пределами населенного пункта их пребывания в площади, высотах, протяженности, ориентации, а искусственные ограничения пространства и линии коммуникаций могут ими и не учитываться. Конкретный человек при этом может существовать в самых разных средах, как это и бывает в действительной жизни.

Возникающая народная наука в серьезной степени трансформирует саму географию. Базировавшаяся исключительно на основе естественных наук ландшафтная парадигма дополняется новыми гуманистическими элементами [5, 8, 11]. Туризм, краеведение и негеографические сервисы возвращают в ландшафтоведение субъекта, и с ними оно вступает в эпоху постмодерна, где наряду с позитивистскими подходами начинают соседствовать ис-

точники информации из повседневности: реклама, путеводители, популярные издания.

Становление генетического подхода некогда привело к разрыву между научными и народными представлениями о географической реальности. Теперь эта связь восстанавливается. Конкретный человек при этом может существовать в самых разных средах, как это и есть в действительной жизни. География не должна упустить этот мощнейший ресурс осмысления мира.

Территориально-локальные проблемы все чаще объединяют географически очень далеких пользователей сети. На смену территориальным сообществам идут сетевые. Само краеведение становится сетевым. На его основе прослеживается становление философско-сетевой основы муниципального управления (микropolitики), формируются социальные движения.

Жизнь и пространство все более структурируются в паттернах и терминах сетей и потоков с ожидаемым исчезновением значения столиц и границ. Надежды на воплощение анархических чаяний о прямом народном самоуправлении [14] соседствуют с представлениями о грядущем более жестком контроле общества через протоколы Интернета [16].

Тут многое неясно. Но уже ясно, что главным фактором дальнейшего развития науки станет рост популяции хорошо образованных индивидуалов, профессионально не связанных с научной деятельностью. С увеличением свободного времени занятия наукой будут все более реализовываться как самый серьезный вид отдыха.

Искусство жить

Эра туризма, виртуалистики и постмодерна усилила эмоциональную окраску окружающего нас мира. Обучение стало приобретать характер игры. Реальность стала такова, что знания все больше передаются не столько через отца к сыну или от учителя к обучаемому, сколько через Интернет и компьютерные игры. Дети уже в 4-5 лет становятся уверенными их пользователями. С этим опытом им непреодолимо скучно приниматься за чтение за партой. Обучаемые

в некоторых отношениях знают не меньше обучающихся.

Однако, Интернет не даёт всесторонне-го формирования личности. Сам по себе он в чем-то даже противоположен физическому совершенствованию. Связать обучение с физическим развитием могут практики активного туризма в идее всем хорошо известных экскурсий и походов. Обучение в них сливается с развлечением, приключением и поисковой деятельностью. Идет оно в режиме полилога – разговора многих участников, включая преподавателя, а иногда и местных жителей. Немаловажно, что участники похода непосредственно заботятся друг о друге. Возможно, это и есть тот прообраз постдисциплинарного обучения, что станет нормой постинформационного общества завтрашнего дня.

Ещё Страбон определял географию как постижение «искусства жить». *«В этом смысле, позволим заметить, географическое знание социально более значимо, более прагматично, а в отдельных случаях – даже судьбоносно в сравнении с любым другим, за исключением разве что умения читать, писать и считать»*⁷. Можно полагать, что поиск знания и даже не знания, а понимания посредством активного туризма станет доминирующей темой образования будущего.

Поскольку туристско-краеведческая деятельность – это еще и образ жизни с неизбежными приключениями, связанными с преодолением пространства, то понятным становится значение в активном туризме чуть ли не всех видов спорта. Едва ли найдется еще столь гармоничная для человека деятельность, готовящая его к самым непредвиденным ситуациям и обстановкам.

Люди зачастую сами интуитивно ищут для себя возможности самореализации в самых экстремальных условиях. И часто избирают для этого горы. Исследователи спорта отмечают, что за последние десятилетия спектр видов спорта расширился более чем на 240 дисциплин и это происходит, прежде всего, за счет появления модных горных видов спорта как фрирайдинг, скайдайвинг, фриклимбинг, параплане-

ризм, рафтинг, виндсерфинг и пр. Единит новые виды спорта вовлечение человека в стихии природы. Удовольствие достигается не от зрительских аплодисментов, а от вызова себя природной среде и высокой доли удачи. Эти виды спорта недоступны в любое время, для них требуется определенная природная среда и стихия, они не могут проводиться повсеместно. Спортсмены собираются на подходящих площадках (у вершин, на обрывах горных склонов) и неформально состязаются между собой [3].

Приемы активного туризма предлагают образовательную модель, диаметрально противоположную традиционной, которая не развивала, а скорее подавляла индивидуальное мышление. В советской образовательной системе, к примеру, интересы коллектива ставились неизмеримо выше личностных. В то же время советская образовательная система не учила коллективным действиям сообща. Из-за этого, отчасти, возможно, и переживает Россия свои трудности. Туристско-краеведческие методы познания мира, напротив, ставят примат личности в индивидуализированном познании мира при коллективных действиях участников похода во имя конкретной цели.

Автор учебников по географии СССР для средней школы К.Ф. Строев⁸ считал, что поисково-краеведческая деятельность учителя прямо ведет его к научно-исследовательской работе и рассматривал краеведение как самую доступную сферу приложения знаний учащихся для работ исследовательского характера. По своей сути учебный туризм и краеведение призваны преодолевать барьеры между самыми разнообразными дисциплинами, как естественными, так и гуманитарными, как религией, так и наукой. Он вводит человека в состояние поиска, объединяет эстетическое восприятие с размышлениями о тайне, обучает через сопричастность с ней.

Архаика в стратегиях выживания

Идеология краеведения в консерватизме и катастрофизме. Оно исходит из того, что все отжившее, уходящее и не-

⁷ Багров Н.В. География в информационном мире. Симферополь, 2004. С. 14.

⁸ Строев К.Ф. Краеведение. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

нужное в критическом режиме может оказаться самым необходимым. Поэтому становится предметом особого внимания краеведения.

Когда власти настойчиво преследовали религию и национальное самосознание, то эти сферы оказывались особой темой краеведения. Сегодня на роль гонимых выдвинулись технологические архаики, быт и уклад старины, родные пепелища.

Идёт катастрофическое сокращение численности и площади русских сел и деревень. Печальную эту судьбу делят карельские, мордовские, коми, чувашские села, поселения, стойбища и кочевки народов Севера. И все это особая боль краеведения. Оно встает на защиту традиций и индивидуальностей, бросает вызов нивелирующему потоку современности.

Устойчивость системы зиждется в ее разнообразии. В этом плане современная цивилизация очень неустойчива. С ростом сложности техносферы происходит упрощение её разнообразия и риск катастрофического исхода. Вся, например, она повисла на электричестве. В результате любая мощная солнечная вспышка может погубить ее.

Самая сильная из всех когда-либо инструментально зафиксированных солнечных бурь, вызвавшая мощный выброс плазмы, произошла в 1859 г. Она была хорошо изучена и получила название «каррингтонское событие» – по имени описавшего её астронома Ричарда Каррингтона. Это малозамеченное тогда событие, проэкстраполированное на наши дни, по всем параметрам вызвало бы настоящую глобальную катастрофу, усиленную к тому же ослаблением за это время защитного поля магнитосферы Земли на 15% [18, 19].

Мощный электромагнитный импульс сжёг бы компьютеры, телевизоры, бытовую технику, электрические подстанции. Причем, чем мощнее подстанция, тем больше ее заземление и тем сильнее разрушения. Выведенные из строя космические спутники, энергосети, электронные системы коммуникаций парализовали бы работу целых континентов. Все бы насыщенные электроникой новейшие автомобили остановились. Пришлось бы покупать

старенькие «Жигули», которые тут же неминуемо возросли бы в цене.

Геомангнитная буря 1859 г. в наши дни разрушила бы все электронные системы платежей. Получается, электронные деньги куда менее устойчивее бумажных банкнот, как те, в свою очередь, тоже подвержены рискам по сравнению с ходившими до их употребления золотом и драгоценными камнями.

Судя по всему, первые 2/3 XX века отличались идеальной геолого-климатической стабильностью. Большинство крупных технологий нашего времени было выстроено под эту устойчивость. Если же проэкстраполировать на нашу современность многие события из более отдаленного прошлого, даже из XVIII–XIX веков, то вырисовывается глобальная катастрофа.

А вот пример другого рода. Извержение вулкана Эйяфьятлайокудль в 2010 г. вынесло пепел на высоту 13 км, и провисел он там две недели. Это событие существенно повлияло на работу реактивной авиации. Извержение же вулкана Кракатау в 1883 г. выбросило пепел на высоту 80 км, который пребывал в атмосфере в течение трёх лет⁹. Произойди такое событие в наши дни, и с реактивной авиацией пришлось бы расстаться.

Ледяной дождь в конце 2010 г. тоже не оставил бы лет 100 назад жителей подмосковных сел на две недели без света и тепла, поскольку люди отапливались углем и дровами. Электрички бы не остановились, поезда бы возили паровозы.

Причиной японской аварии на АЭС Фукусима, разумеется, была стихия. Но непосредственно авария связана с отключением электричества. Из-за него перестали работать насосы, которыми надо постоянно охлаждать реакторы. Перешли на дизель-генераторы. Они тоже отключились. Ядерное же топливо продолжало выделять огромное количество тепла и радиоактивного пара. Для предотвращения ядерного взрыва пришлось строить новую линию электропередач протяженностью 7 км. Ее строили две недели. Землетрясение в Япо-

⁹ **Гущенко И.И.** Извержения вулканов мира: Краталог. М.: Наука, 1979. 454 с.

нии показало, что способные выдержать атомный удар АЭС не выдерживают обычных отключений электричества.

Вот почему так важно сохранять и развивать отжившие технологии и «ненужности» типа паровозов, пароходов, карбюраторных автомобилей, бипланов, парусников, дирижаблей, аэростатов или ездовых лошадей, отопления на дровах или водоснабжения на колодцах. Их сохранение и создание образцов нового поколения, может быть, даже поважнее всевозможных цифровых инноваций и самого что ни на есть хайтека.

Между тем, каждое принципиально новое достижение технического прогресса перечеркивает развитие других его направлений, переводимых более успешными коллегами в символы технической отсталости.

Еще неизвестно, каких бы успехов достигло паровозостроение, если бы не было напрочь исключено из развития. Его история насчитывала почти 200 лет, когда в 1956 г. был построен в нашей стране последний паровоз. Еще раньше разделались с тысячелетней эпохой парусного флота. Последний крупный парусник соорудили в 1926 г. (барк «Крузенштерн», перешедший к СССР по репарации бывший немецкий «Падуа»).

Наша сверхглубокая скважина на Кольском полуострове (у границы с Норвегией) бурилась с 1972 г. и достигла 12 км. Денег на нее было затрачено сопоставимо с американской программой полетов на Луну. В 1992 г. скважина была заброшена. Теперь среди обломков ее здания гуляет ветер. А вот германская сверхглубокая скважина «Хауптборунг» бурилась с 1990 по 1994 гг. и достигла 9 км. Затем обрела статус туристического объекта и превратилась в лабораторию для наблюдений за земными недрами.

С краеведением исторические памятники оформляются в турпродукт, спасаясь тем самым от забвения. Венеция не сохранилась бы без краеведческого осмысления последующих за ним «музеизации» и туризма. Существует много работ, описывающих те угрозы, что несет туризм объектам природного и культурного наследия. Го-

раздо меньше говорится, что сами эти объекты существуют, прежде всего, благодаря краеведению и туризму.

Виднейший специалист по природным и техногенным катастрофам С.М. Мягков [9] доказывал, что надвигающаяся социально-экологическая катастрофа может не стать глобальной, если в ближайшие десятилетия сохранятся этносы, не зятянутые в орбиту западного мирового порядка.

Индустрия туризма единственная, что извлекает прибыль из сохранения, а не разрушения. Традиционные виды природопользования просто не выживут без их включения в систему национальных парков, тематических парков и природно-этнических технопарков.

Задача сохранения культур, генно-психических особенностей, трудовых навыков жителей труднодоступных сред и самих их сред важна не только для гуманистического развития мира, но с позиции того неизвестного, что может ждать человечество на его тернистом пути в грядущее. В сегодняшней реальности сохранить их могут, прежде всего, краеведение и основывающийся на нем туризм.

Выводы

1. Естественно-гуманитарное краеведение не вписывалось в схему строгого разделения естественных и общественных законов диалектического материализма и было низведено к истории партийного строительства в данном городе или районе. Наука от краеведения отказалась и ныне оно не должно выпасть из системы туристско-географического знания. Исторически и логически краеведение предшествует туризму.

2. Краеведение обретает массовый характер и приближается к образу народной науки «citizen science». Её вернакулярные районы нередко представляют реальную ситуацию в более яркой и символической форме. Краеведение все в большей степени становится философско-сетевой основой муниципального управления.

3. Стирание различий между обучением и развлечением, буднями и каникулами, реальностью и виртуальностью повлекло появление образовательных

технологий активного туризма. Они предполагают образовательную модель, диаметрально противоположную традиционной, и ставят примат личности в индивидуализированном познании мира при коллективных действиях участников похода во имя конкретной цели.

4. Краеведение сохраняет многие архаики, которые в критическом режиме могут оказаться жизненно важными. С краеведением исторические памятники оформляются в турпродукт, спасаясь от забвения.

Список источников:

1. **Афанасьев О.Е.** Тематико-библиографический указатель публикаций научно-практического журнала «Современные проблемы сервиса и туризма» за 2007–2016 гг. (тома 1–10): науч.-справ. изд. М.: Изд-во РГУТИС, 2016. 78 с.
2. **Багров Н.В.** География в информационном мире. К.: Либидь, 2005, 184 с.
3. **Богданова М.А.** «Гибкий менеджмент самого себя» в культуре постмодерна // Когнитивные исследования на современном этапе: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-н/Д., 2011. С. 276-284.
4. **Борейко В.А.** Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. М.: ЛОГАТА, 1998. 298 с.
5. **Гладкий А.В.** Понимание пространства в географии и туризме: методологические аспекты // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды VIII Междунар. науч.-практ. конф. Тольятти: Поволжский гос. ун-т сервиса, 2013. С. 61-70.
6. **Гладкий О.В.** Апперцепція простору, її людяність та людиновимірність // Економічна та соціальна географія. 2013. Вип. 2(67). С. 19-28.
7. **Григорьев Ал.А.** География всемирного наследия. СПб.: Астерион, 2012. 344 с.
8. **Калуцков В.Н.** Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ, 2000. 96 с.
9. **Мягков С.М.** География природного риска. М.: Изд-во МГУ, 1995. 224 с.
10. **Преображенский В.С.** Бытийный географизм и географическая наука // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. №3. С. 40-54.
11. **Рагулина М.В.** О синтезе гуманитарных и естественнонаучных подходов в исследовании культурного ландшафта // Известия РАН. Сер. Геогр. 2014. №1. С. 7-13.
12. **Смирнягин Л.В.** Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2011. №6. С. 13-19.
13. **Тоффлер Э.** Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
14. **Barlow J.P.** A Cyberspace Independence Declaration. 1996. URL: http://w2.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaratio (дата обращения: 15.01.2017).
15. **Naklay M.** Citizen Science and Volunteered Geographic Information: Overview and Typology of Participation // Crowdsourcing Geographic Knowledge Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice. New York, London: Springer Dordrecht Heidelberg, 2013. Pp. 105-122.
16. **Galloway A.R.** Protocol: How control exists after decentralization. Cambridge, MA.: MIT Press, 2004. 260 p.
17. **Goodchild M.F.** Citizens as Sensors: The World of Volunteered Geography // The Map Reader. 2011. Pp. 370-378. DOI: 10.1002/9780470979587.ch48.
18. Managing Critical Disasters in the Transatlantic Domain. The Case of a Geomagnetic Storm. Workshop Summary / Ed.: Fugate W. Craig. Boulder, Colorado: FEMA, 2010. 26 p.
19. **Pelton J.N., Singh I., Sitnikova E.** Cyber Threats, Extreme Solar Events and EMPs // Inside Homeland Security. 2015. 3(18). Pp. 1-10.

Iurii N. GOLUBCHIKOV

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);

PhD in Geography, Senior Scientist, Leading Scientist; e-mail: golubchikov@list.ru

LOCAL LORE GROUNDS FOR ACTIVE TOURISM

The article considers the history of the domestic local lore in the Soviet period from of the “small geography” to the history of party building in a specific area (region) or the city. As a result, the scientific world regarded the local lore studies not as the fundamental knowledge, but as educational or monuments protection activities.

Internet and mass tourism development engaged general public at the the process of geographical knowledge. Networked communities are replacing the territorial communities, and local lore is becoming a networked. The active tourism practices mix training with fun, adventure and search activities. It is assumed that the search for knowledge and understanding through active tourism will be the dominant theme of the education of the future. Ideology of local history lies in conservatism and catastrophism. The technosphere complication occurs with simplifying its diversity and growth of risk of a catastrophic outcome. In other words, all of the obsolete, outgoing and unnecessary in a critical mode may be the most necessary.

Keywords: local lore, geography, people science, hiking, trekking, catastrophism, archaic, sport, survival.

References

1. **Afanasiev, O. E.** (2016). *Tematiko-bibliograficheskij ukazatel' publikacij nauchno-prakticheskogo zhurnala "Sovremennye problemy servisa i turizma" za 2007–2016 gg. (toma 1–10) [The articles of scientific and practical journal "Service and Tourism: Current Challenges" dated 2007 to 2016 (Vol. 1–10): Thematic and bibliographic guide]:* reference publication. Moscow: RSUTS. (In Russ.).
2. **Bagrov, N. V.** (2005). *Geografija v informacionnom mire [Geography in the Information World]*. Kyiv: Lybid. (In Russ.).
3. **Bogdanova, M. A.** (2011). «Gibkij menedzhment samogo sebja» v kul'ture postmoderna ["Flexible self-management" in the postmodern culture]. In: *Kognitivnye issledovanija na sovremennoj etape [Cognitive research at the present stage]:* Proceedings of the II International scientific-practical conf. Rostov on Don, 276-284. (In Russ.).
4. **Borejko, V. A.** (1998). *Don Kihoty. Istorija. Ljudi. Zapovedniki [Don Quixote. History. People. Reserves]*. Moscow: LOGATA. (In Russ.).
5. **Gladkey, A. V.** (2013). Ponimanie prostranstva v geografii i turizme: metodologicheskie aspekty [Understanding of space in geography and tourism: methodological aspects]. *Turizm i rekreacija: fundamental'nye i prikladnye issledovanija [Tourism and recreation: fundamental and applied research]*. Proceedings of the VIII International scientific-practical conf. Tol'jatti: Volga Region State University of Service, 61-70. (In Russ.).
6. **Gladkey, O. V.** (2013). Apperpcija prostoru, ii ljudjanist' ta ljudinovimirnist' [The space apperception, its humanity and human dimensions]. *Ekonomichna ta Sotsialna Geografija [Economic and Social Geography]*, 2(67), 19-28. (In Ukr.).
7. **Grigoriev, Al. A.** (2012). *Geografija vseirnogo nasledija [Geography of World Heritage]*. St. Petersburg: Asterion. (In Russ.).
8. **Kaluckov, V. N.** (2000). *Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedenija [Fundamentals of Ethnocultural Landscape Studies]*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.).
9. **Miagkov, S. M.** (1995). *Geografija prirodnoogo riska [Geography of Natural Risk]*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.).
10. **Preobrazhenskiy, V. S.** (1993). Bytijnij geografizm i geograficheskaja nauka [Geography: Science and existence]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya*, 3, 40-54. (In Russ.).
11. **Ragulina, M. V.** (2014). O sinteze gumanitarnyh i estestvennonauchnyh podhodov v issledovanii kul'turnogo landshafta [Synthesis of Humanitarian and Natural – Scientific in Research of Cultural Landscape]. *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya*, 1, 7-13. (In Russ.).
12. **Smirnyagin, L. V.** (2011). Metodicheskie podhody k rajonirovaniju v obshhestvennoj geografii [Methodical approaches to regionalization in social geography]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika [Moscow University Bulletin. Series 6, Economics]*, 6, 13-19. (In Russ.).
13. **Toffler, A.** (2010). *Tret'ja volna [The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow]*. Moscow: AST. (In Russ.).
14. **Barlow, J. P.** (1996). *A Cyberspace Independence Declaration*. URL: http://w2.eff.org/Censorship/Internet_censorship_bills/barlow_0296.declaratio (Accessed on January 15, 2017).
15. **Haklay, M.** (2013). Citizen Science and Volunteered Geographic Information: Overview and Typology of Participation. *Crowdsourcing Geographic Knowledge Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice*. New York, London: Springer Dordrecht Heidelberg, 105-122.
16. **Galloway, A. R.** (2004). *Protocol: How control exists after decentralization*. Cambridge, MA.: MIT Press.
17. **Goodchild, M. F.** (2011). Citizens as Sensors: The World of Volunteered Geography. *The Map Reader*, 370-378. doi: 10.1002/9780470979587.ch48.
18. **Craig, F. W. (Ed.)** (2010). *Managing Critical Disasters in the Transatlantic Domain*. The Case of a Geomagnetic Storm. Workshop Summary. Boulder, Colorado: FEMA.
19. **Pelton, J. N., Singh, I., & Sitnikova, E.** (2015). Cyber Threats, Extreme Solar Events and EMPs. *Inside Homeland Security*, 3(18), 1-10.